

Научная статья

УДК 81'27:355.013.1 СВО + 130.2:27-1 + 812.161.1-1(477.61/.62) + 821.161.1-145 Ревякина
DOI 10.15826/izv1.2025.31.1.010

ДИСКУРС СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ В «ШАХТЕРСКОЙ ДОЧЕРИ» АННЫ РЕВЯКИНОЙ: ТРАДИЦИЯ, ИНТОНАЦИЯ, ПРИРАЩЕНИЕ СМЫСЛА

Светлана Борисовна Королева¹
Евгения Александровна Митина²

^{1,2}Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,

Нижний Новгород, Россия

²Московский педагогический
государственный университет,
Москва, Россия

¹svetlakor0808@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-7587-9027>

²27jenni270@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0005-4175-4145>

А н н о т а ц и я. В статье анализируется содержание темы Священной войны в поэме Анны Ревякиной «Шахтерская дочь» в контексте формирования и развития соответствующего дискурса в русской культуре. Доказано, что создание в 1916 г. первой версии песни «Священная война» и в 1941 г. ее второй версии есть одно из следствий рефлексии об онтологической сущности войны в русской религиозной философии. В то же время истоки русского поэтического дискурса Священной войны обнаруживаются в военной поэзии, в том числе книжной и народной поэзии об Отечественной войне 1812 г. Утверждается, что в современной военной поэзии дискурс Священной войны закономерно стоит в центре художественного смысло-оформления опыта боевых действий на Донбассе. В донбасской поэзии в дискурс Священной войны входят новые элементы: ценностно заряженные образы русской военной истории и мотив братской близости человека Небесным силам, которые помогают ему в борьбе за Правду. Анна Ревякина в поэме «Шахтерская дочь» обновляет эмоционально-стилистическую интонацию, традиционно оформляющую поэтический дискурс Священной войны, и привносит новые элементы в его содержание. К новаторским элементам дискурса в поэме относятся: интимно-личностная интонация, пафос борьбы за мужское и женское в их живой взаимосвязи и взаимодействии, идея сохранения любви.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс Священной войны; русская религиозная философия; русская поэтическая традиция; донбасская поэзия; Анна Ревякина; поэма «Шахтерская дочь»

**DISCOURSE OF HOLY WAR
IN “THE MINER’S DAUGHTER” BY ANNA REVYAKINA:
TRADITION, POETIC INTONATION, INCREMENT OF MEANING**

Svetlana B. Koroleva¹

Evgenya A. Mitina²

^{1,2}*Linguistics University Of Nizhny Novgorod ,
Nizhny Novgorod, Russia*

²*Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia*

¹*svetlakor0808@gmail.com,*

<https://orcid.org/0000-0002-7587-9027>

²*27jenni270@mail.ru,*

<https://orcid.org/0009-0005-4175-4145>

Abstract. The paper analyzes the content of the Holy War theme in the poem “The Miner’s Daughter” by Anna Revyakina in the context of development of the correspondent discourse in Russian culture. It is argued that appearance of the first version of the song “Holy War” in 1916 and its second version in 1941 is a consequence of deep reflection on the ontological essence of war in Russian religious philosophy. At the same time, the origins of Russian poetic discourse of Holy War are rooted in war poetry, including literary and folk verse about the Patriotic War of 1812. It is argued that in modern war poetry the discourse of Holy War stands in the center of aesthetic conceptualization of the Donbass war experience. In ‘Donbass poetry’ new elements are formed within the discourse of Holy War: value-charged images of Russian military history and the motif of fraternal closeness of a human participating in a ‘justified’ battle to the heavenly forces that help him in this struggle. It is determined that Anna Revyakina in the poem “The Miner’s Daughter” renews the emotional and stylistic intonation which traditionally forms the poetic discourse of Holy War, and brings new elements to its content. The innovative elements of the discourse in the poem include the following: intimately personal intonation, the pathos of struggling for the masculine and feminine in their living interaction, the idea of saving love.

Key words: discourse of Holy War; Russian religious philosophy; Russian poetic tradition; ‘Donbass’ poetry; Anna Revyakina; poem “The Miner’s Daughter”

1

«Священная война» — понятие одновременно универсальное и национально окрашенное, терминологически определенное и символически многозначное. Оно имеет константный содержательный стержень и переменные, которыми его содержание прирастает в разные культурно-исторические эпохи. Содержание этого понятия зависит не только от общенародного отношения к общечеловеческому феномену священных войн — войн народов за свое святилище, божество [Грант, с. 176], за свою веру и религиозные убеждения [Матонин], — но и от непосредственных исторических событий, равно как от способа их осмысления.

В размышлениях Николая Сербского «Война и Библия» стержневое содержание понятия «Священная война» обрастает смыслами, порожденными опытом Первой мировой войны. «Божия война — это всегда битва за правду против ужаса лжи», — пишет святитель, высвечивая духовную составляющую понятия [Сербский, 2016]. Что же касается исторических смыслов, ими отмечены высказывания святителя о том, что захватническая война для православных христиан не только недопустима, но подлежит осуждению, в то время как война оборонительная или же освободительная, связанная с защитой (православного) народа и (православной) веры, благословенна.

Опыт Первой, а затем и Второй мировых войн задал множественные импульсы к осознанию русской религиозной философией духовных причин и духовного смысла войны. Особый же — русский — вектор этого осмысления был сформирован еще древнерусской социополитической и духовно-религиозной практикой: «...для Руси не было характерно ощущение ратного дела и управления государством» как чего-то «достойного, но все-таки далекого от святости». Они понимались как способы «проявления любви к ближним», как дела духовного и физического героизма [Каптен, с. 122]. В русле отношения к ратному делу как подвигу самопожертвования во имя ближнего своего и во имя Родины — подвигу, связанному с защитой «реальности абсолютной — веры христианского народа» [Лосский], — были осмыслены две сокрушительные войны XX в. двумя видными философами этого времени: отцом П. Флоренским и профессором В. Н. Лосским.

Высказывание Флоренского из записанной в 1915 г. (в составе заметок и впечатлений этого года [Коробов-Латынцев]) и опубликованной позднее панихиды об усопших воинах заканчивается словами о солдатской жертве во имя Родины и ближних и об очищении и преобразении всего народа через эту жертву: «...Те, кто положил жизнь свою за нашу общую мать Родину... разве они не связаны с нами узами теснейшими — и любви, и близости, и родства? <...> Помолимся же... чтобы эта кровь послужила залогом нашего обновления и утверждением наших братских уз навеки» [Флоренский, с. 161].

Слова Лосского о том, что только та война может быть «названа справедливой», «...в которой человек, будучи призванным к абсолютной цели, осознанно... посвящает себя относительным ценностям... земля, Родина. И эта жертва приобретает абсолютный, неуничтожимый и вечный характер для человеческой личности» [Лосский], дополняют рассуждения Флоренского, привнося в содержание понятия «священная война» (здесь: справедливая) значение ратного подвига, жертвы на войне для становления личности.

Вместе с тем в словах П. Флоренского обращает на себя внимание проявление идущего из языческой древности ощущения кровной связи человека с родной землей, его рождающей. Не только ради страны, народа, предков и всех ближних, по Флоренскому, нужно жертвовать собой на войне, чтобы обратить ее в войну священную, Божью, но и ради самой родной земли — святой для человека своим материнством, своей «жизненной плодоносящей силой» [Топоров, с. 7],

мистически связанной со Вселенной, одновременно дающей жизнь, кормящей и погребаящей по смерти [Федотов, с. 24].

Приоткрывая не фольклорную, но космическую тайну русского содержания понятия «Священная война», С. Н. Булгаков в «Размышлениях о войне» (написаны в 1940 г.) утверждает: «В войне... проявляются силы не только человеческие, но и нечеловеческие, духовные, которые вообще действуют в мире. <...> В высшем напряжении человеческой трагедии осуществляется и высшее напряжение человеческого духа — самоотвержение. <...> Софийно творение, софийна история и — приходится признать... софийна и война, т. е. проявляющиеся в ней или, вернее, вопреки ей, но через нее, софийные начала жизни» [Булгаков, 1997]¹.

Таким образом, в русской религиозно-философской мысли первой половины XX в. содержание понятия «Священная война» оформилось в результате синтеза фольклорного мироощущения, с характерным для него представлением о неразрывно-кровной связи народа с матерью-землей, и мировоззрения православного — в его русском изводе, признающем ратный подвиг во имя Родины, защиты веры и ближних своих святым, а войну, ведомую в этих целях, — священной.

Одним из следствий синтеза идей философско-религиозных, православных и фольклорных в содержании понятия «Священная война» (синтеза, заданного философской рефлексией) явилось создание А. А. Бодя в 1916 г. первой, оставшейся неизвестной широкому читателю и слушателю, версии песни «Священная война», которая была в июне 1941 г. взята Лебедевым-Кумачом за основу его знаменитого стихотворения. Действительно, торжественно-одический строй поэтического текста, его символическая образность, сочетающая элементы христианского кода (*священная война; сила темная; царство тьмы; всей силою, всем сердцем, всей душой; ярость благородная*) с элементами фольклорными (*гнилая нечисть; земля милая; крылья черные*) и книжными (*душители пламенных идей; тевтонская орда*), поэтическая лексика, восходящая к более и менее известным стихотворениям XVIII–XIX вв. (*смертный бой; ломить; русский край родной; поля просторные*), — все это говорит в пользу версии, изложенной поэтом, историком А. Черновым в 2017 г. [Чернов]. Через этот текст особое, национально-специфическое представление о священной войне, синтезирующее фольклорную стихию с философско-религиозными суждениями и гражданско-поэтическим языком и образностью, проникает в русскую литературу и закрепляется в ней.

В то же время можно предположить, что поэтический дискурс Священной войны формировался в русской литературе продолжительное время и что его признаки можно найти в более ранних текстах. Действительно, художественно-смысловые элементы, из которых постепенно складывается этот дискурс, прослеживаются, в частности, в военной поэзии (книжной и особенно народной)

¹ Ср.: из «Предисловия» к «Разговорам о войне» Вл. Соловьева: «Безусловно неправо только само начало зла и лжи, а не такие способы борьбы с ним, как меч воина или перо дипломата: <...> каждый раз то из них лучше, которого приложение уместнее, то есть успешнее, служит добру» [Соловьев, с. 9].

об Отечественной войне 1812 г. Понятно, что сам исторический контекст угрозы существованию России, русского народа и русской культуры, которую несла с собой наступающая европейская армия, подталкивал и офицеров [Высочков], и простых солдат к осмыслению необычного, общенародного характера этого военного противостояния. Симптоматично, что в одном из стихотворений Ф. Глинки, созданных в судьбоносном году, для защиты «друзей, Отечества, народа» поэт призывает «России верных сынов» сомкнуться «в ратном строе» или пасть «в родных полях». Если «ратный строй» здесь *стилистически* отсылает к древнерусской литературе и идее святости воинского подвига во имя Родины и веры, то «родные поля» *понятийно* соотносят стихотворение с фольклорной картиной мира.

Примечательно, что в народной поэзии — исторических песнях времен Отечественной войны — «высокий смысл защиты Отечества и соборного единения нации в период опасности» [Нестерова, с. 174] передается в таких формулах целеполагания, которые сливаются в единое ценностное основание представления о Родине (родной земле, стране), государстве (символом и центром которого является царь) и вере: «Ай да за Россию, за царя, за веру нужно гостеньку принять: / Ай да как на поле славном Бородинском поплотней дружка обнять!» [Исторические песни, с. 271]. Соответственно, и фольклорный мотив кровной связи человека, народа с родной землей преобразуется в этих песнях в мотив глубинной связи с матерью-землей его культуры, его государства. Именно это прочитывается в изображении разорения Москвы «ворами-французами» — разорения, на которое родная земля откликается масштабно и незамедлительно: «потрясалась мать-сыра земля», «мать-сыра земля расступилась» [Там же, с. 273]. Синтез фольклорной картины мира, религиозных верований и гражданственно-патриотической позиции в восприятии войны, очевидный в этих песнях, подготавливает ту почву, на которой впоследствии и произрастает поэтический дискурс Священной войны.

2

В современной донбасской поэзии (или Z-поэзии) дискурс Священной войны стоит в центре художественного смыслоформления опыта боевых действий на Донбассе и — шире — украинской земле, что, разумеется, нельзя считать случайностью. Содержание, которым понятие «Священная война» наполняется в ходе формирования и развития русской культуры, выстроено (как мы попытались показать) вокруг *идеи святости ратного подвига, совершенного во имя Родины-Отечества, защиты родной земли, религиозных убеждений (веры) и своих ближних (в расширительном понимании — своего народа)*. Очевидное общее историко-политическое значение военного столкновения на Донбассе как столкновения русского мира с антирусским, равно как и наступательно-агрессивный характер различных (от идеологических до военных) русофобских, антирусских проявлений сил, враждебных по отношению к русскому народу, русской культуре

и России, явились тем основанием, на котором обращение к дискурсу Священной войны в военной поэзии стало не только возможным, но и необходимым. Иными словами, оно стало следствием попытки художественного осмысления событий большой истории.

Само понятие «Священная война» не часто фигурирует в донбасской поэзии, хотя отдельные примеры прямого — и одновременно аллюзивно-символического, через опору на текст знаменитой песни и общенациональное представление о безусловной ценности Великой Победы — обращения к нему существуют. Так, это понятие становится точкой окончательной сборки смыслов, драматически-символической кульминацией и развязкой в стилизованном под современную разговорно-бытовую речь стихотворении Натальи Возжаевой:

<...>

И вдруг я говорю: Священная война,
А мне твои друзья: рашистская собака.

<...>

Василий, значит так: я гордая страна,
Не рашка, как твои друзья зовут Россию.
И у страны сейчас Священная война.
Короче говоря, не друг ты мне, Василий.

[«ПоЗыVнОй — Победа!»]

Именно к этому понятию как ценностному центру и нравственному императиву стягиваются и строки стихотворения Елены Заславской «Благородный Дон» — произведения, известного как текст одного из хитов рок-группы «Звербой»:

<...>

От злого дикаря,
нациста-людоеда
прикрой родную мать —
огромную страну!

Пока ты не возьмешь
Священную Победу —
ты вправе продолжать
Священную войну [Там же].

При этом значимыми признаками поэтического дискурса Священной войны, без упоминания самого понятия, «донбасские» тексты наполнены в высочайшей степени. Именно к нему восходит система мотивов святости ратного подвига, кровной связи с родной землей, защиты не только Родины, но и Правды, помощи свыше в противостоянии силам тьмы. Кроме того, донбасская поэзия вовлекает новые смыслы в поэтический дискурс Священной войны; иными словами, она достраивает этот дискурс, преобразая его изнутри. Постоянство аллюзивной соотнесенности войны на Донбассе с отечественной историей в целом и Великой Отечественной войной в частности позволяет говорить о вхождении в поэтический

дискурс Священной войны символически-ценностных образов русской (особенно военной) истории. Значительную роль начинают играть образы Небесных сил, ангелов Божьих, Богородицы, Христа; кроме того, особый характер приобретают отношения между ними и автором-лирическим героем или его героями: в ситуации пограничного существования человека между жизнью и смертью, в ситуации гибели, значимой потери или напряжения всех сил Господь и его ангелы становятся ближайшими собеседниками, друзьями человека и одновременно остаются всемогущими (или почти) Силами добра.

Таким образом, в корпусе донбасской поэзии в дискурс Священной войны входят новые элементы: ценностно заряженные образы русской (военной) истории и мотив дружеской, братской близости человека, участвующего в битве за Правду, с Небесными силами, которые помогают ему в этой борьбе. К ряду поэтических произведений, в которых так или иначе проявлен «обновленный» (точнее, обогащенный новыми признаками) дискурс Священной войны, относятся, в частности, стихотворения Марии Ватугиной «Отболим, отплачем и отвоемся...» (как и весь «Триптих» 2022 г.) и Ольги Старушко «Икона» (2022), Дмитрия Артиса «В миру ли на ветру, в молитвах и борьбе...» (2022) и Дмитрия Молдавского «Русской армии слава и сила...», «Эта битва не будет легка...» (2022), многие из «донбасских» стихотворений Александра Проханова, написанных в 2022–2023 гг. и тогда же положенных на музыку и ставших широко известными как тексты песен в исполнении Юлии Чичериной («Икона Донбасса», «Марш русского Донбасса», «Минометный джаз-оркестр», «Солдат из Назарета»), и произведения Анны Ревякиной...

3

«Донбасс хотел жить по законам своих предков, по законам своей родной земли, говорить на русском языке, чтить своих героев, героев Великой Отечественной войны, поэтому это Священная война» [Поэтическая реплика...] — так подступает к объяснению «битвы за Донбасс» как Священной войны автор одиннадцати поэтических книг (в их числе — «Герои» и «Восемь. Донбасских. Лет») Анна Ревякина. Дискурс Священной войны фундирует образность и сюжет одного из ее выдающихся поэтических творений — поэмы «Шахтерская дочь»² [Долгинцев-Межевой]. Она была написана в течение лета — осени 2016 г., время действия поэмы охватывает 2014 г. и начало 2015 г. — ранний период так называемой «русской весны».

Особенности функционирования в поэме дискурса Священной войны определяются, с одной стороны, имплицитным его присутствием в тексте (поэтесса не вводит в текст само понятие «Священная война») и, с другой, жанровой гибридность поэмы, соединяющей документальность с художественностью, что, в свою очередь, связано с психологической, духовной, биографической близостью

² Эта поэма удостоена Гран-при VIII Международного литературного фестиваля «Чеховская осень» и других национальных и международных премий.

героини автору (главная героиня Мария, по признанию поэта, «на две трети я»). Эти две особенности сходятся в точке «антипафосности», «антипатетичности», в результате чего поэма воспринимается читателем как предельно искреннее, личностное, рождающееся здесь и сейчас высказывание о том, что прожили, через что прошли не только герои, но и автор:

Эта девочка — достоверная,
как война, что в моем окне.
[Ревякина, с. 248]³

В связи с этим дискурс Священной войны реализуется в поэме особым образом: «Священная война» не предъясняется читателю (слушателю) как некий общий императив или исторический факт, не соотносится с другими текстами, авторами, событиями, но вырастает изнутри текста как его — и автора — подлинная, становящаяся вместе с ними реальность. В то же время содержание дискурса в поэме, при некотором своеобразии деталей, соотносится с тем его вариантом, который оформился в донбасской поэзии в целом.

Автор рисует подчеркнуто неидеальную, наполненную предельно конкретными деталями картину мирной семейной жизни, в которой есть место какао и яблокам сорта золотой ранет, звездному небу и походам в зоопарк. В этом мире Марии-ребенка особая роль принадлежит отцу, он является его центром, мерилем его правильности и жизненности: «У Марии был дом — занавески и витражи, / был отец, который ей говорил: “Ложи!”» (с. 249). С приходом войны отец в одно мгновение исчезает из ее мира: сначала он уходит на фронт и только изредка пишет письма, а потом погибает.

А потом приходила война, забирала в строй
самых смелых и самых правильных из людей (с. 252).

Детский мир Марии, утратив свой центр, мгновенно разрушается, и на его обломках из тоски, боли, вынужденного взросления, любви и долга появляется мир мужского действия, жесткого выбора и софийного бытия личности перед лицом смерти. Героиня замещает в строю своего отца и тем самым отказывается от своей женственности — в пользу мужественности, от своего потенциального материнства — в пользу «отцовства», от нежности и мягкости — в пользу твердости и решимости. Она делает страшный, но единственно верный для нее выбор — стать снайпером и защищать родную землю: «Я убью всякого, кто посмеет подойти ближе, чем эти низкорослые горы» (с. 266). Но при этом каждая оборванная ею жизнь, каждое совершенное над врагом насилие отзывается болью в ее женском сердце, каждая ее пуля выжигает нежную душу:

Здравствуй, мама! В моем блокноте
не осталось живого места, на сердце пусто (с. 276).

³ Далее стихотворные отрывки из поэмы «Шахтерская дочь» цитируются по данному изданию с указанием в круглых скобках страницы.

В соответствии с установками на «антипафосность», автобиографичность и документальную реалистичность текста дискурс Священной войны встроен в ткань достоверного повествования о том, что противопоставлено всему женскому — дочернему, материнскому, любовно-заботливому, нежному и просто живому. Не случайно война изображена через восприятие девочки, а потом юной девушки Марии, с голосом которой подчас сливается подчеркнуто женский голос автора. То разрушительное, что несет с собой война: смерть, насилие, ненависть, — противопоставлено обоим этим голосам, равно как и счастливому детству Марии, озаренному подлинной близостью детей и родителей, женщин и мужчин в донбасской шахтерской семье.

С идеей противоестественности насилия и ненависти, с пониманием того, что избежать их на войне невозможно, связаны особый драматизм и трагическая интонация в поэме. В то же время над этой идеей и этим пониманием в «Шахтерской дочери» встают образы жертвенной любви — к своему и общему (родовому) прошлому, к своей семье, родному дому, родной земле. Тема любви, перерастающей в чувство долга, в веру в необходимость ответа насилием на насилие во имя защиты того, что свято и дорого, призывающей мужчину и женщину *действовать*, в поэме Анны Ревякиной является центральной. В качестве таковой она создает особый индивидуально-авторский вариант дискурса Священной войны.

Этот вариант можно описать как художественно-документальный образ войны, максимально близкий героине и автору во временном и пространственном отношениях (как достоверная, здесь-и-сейчас разворачивающаяся реальность), предельно далекий для них в отношении психологическом (как реальность насилия и ненависти, противоречащая женскому — рождающему, несущему жизнь, освещенному любовью — началу) и глубоко взаимодействующий с ними в плане духовном (как софийная реальность, способствующая духовному возрастанию личности). Соответственно этому сложному, амбивалентному образу в дискурсе Священной войны в поэме своеобразно функционируют мотивы фольклорные, гражданственные и христианские (православные).

Что касается фольклорных мотивов, их место и содержание в дискурсе Священной войны определяется ключевой ролью темы кровно-родственной связи человека и земли в поэме в контексте ее «документальной» реалистичности. Фольклорные по своему происхождению образы ворон и воронов в поэме возникают не собственно как знаки беды, но как признаки фактической реальности войны. При этом «воронье» само врастает в войну, обнаруживая в своем имени созвучие с ней и способность к ней приспособляться: «Воронки, воронье, война...» (с. 263); «Эх, донецкие ветры — вольница, житница, / а теперь безлюдье — лишь псы да вороны» (с. 270); «В небе зимнем, что запятая, / черный ворон — в броню одет..» (с. 272).

Природа проходит через страдания и смерть вместе с героиней, вместе с автором — свидетелем, наблюдающим войну «в окне», вместе со всем Донбассом: «Вот деревья — сплошные виселицы» (с. 253); «Приходила зима — снежная, белая — / и дерева стояли сказочные, звенящие. / Умирили воины — юные, смелые — /

умирали стоя, умирали по-настоящему» (с. 270); «...но февраль обочин, / где деревья все еще мертвецы, / где не будут вылуплены птенцы» (с. 277).

Тема неразрывной связи человека с родной землей в соотнесенности с темой ее защиты от врага реализуется в поэме, в частности, в образе горсти земли, которую героиня (как бы вспоминая древнерусский ритуал съедания горсти земли в подтверждение верности и нерушимости клятвы [Афанасьев, с. 818]) готова «трижды» грызть: «Горсть земли — трижды. Я стану грызть эту землю — эту рыжую глину, эту свинцовую гирию, эту черную плоскость. До самого горизонта...» (с. 266).

Трудный выбор Марии оправдан возрастанием ее любви, ее души на войне: защищая донецкую землю, она «врастает нервами» «в степь» и постепенно осознает, что у них «одна на двоих душа» (с. 267); убиенная, она «врастает хребтом» в донецкие черноземы и продолжает жить этой общей с ними душой.

Фольклорные и христианские мотивы часто оказываются тесно переплетены в тексте, и в этом переплетении прослеживается значимая закономерность: духовное превалирует над душевным, небесное над земным, и православные смыслы пронизывают и претворяют собой фольклорную образность.

Так, письмо Марии отцу, стилизованное под малый жанр русского фольклора, оканчивается аллюзией на библейский миф о потерянном рае, и эта аллюзия разворачивает течение высказываний в письме в обратную сторону:

Дорогой отец,
не дари колец,
не дари цветов,
берегись полков,
воротись домой
под большой луной,
станем жить-тужить,
до чужих женитьб,
<...>

Воротись, отец,
воротись, боец,
станем сказки плесть,
вот добро, вот честь...
Вот наш спелый сад,
вот ползучий гад,
райских яблок сок.
Этот сад — есть Бог.
Этот дом есть мы... (с. 254)

Если «наш спелый сад» «есть Бог», а «дом есть мы», то «мы» обязаны выйти из «дома» для того, чтобы защитить не только сад, но и Бога в нем, т. е. в себе и на своей земле. И пока «ползучий гад» рядом с садом, боец не может вернуться. Мария, фактически переключаясь в этом письме с фольклорного кода на код библейский, христианский, сама отвечает на свою просьбу к отцу отказом.

В поэме Ревякиной народ, принимающий вызов войны в согласии с Божьей волей, получает поддержку свыше. При этом защита родины и смерть за нее ассоциируются с Воскресением Христа, торжеством Жизни над смертью:

Этот мир все еще подчиняется божьим законам,
этот мир состоит из патронов и пары сапог.
Николай говорил, что победа, добытая смертью, —
это просто победа над страхом, победа побед (с. 255).

В идейном содержании и образности поэмы обнажаются духовные причины и духовные законы войны. Автор прибегает к библейской метафоричности и образам, расширяющим хронотоп произведения, выводящим его в топографическое бытие: Авель противопоставляется Каинам, которые преследуют его и посягают на его землю («Авель помнит, что всюду Каины, / только высунешься — убьют» (с. 261)); на руках отца Марии люди умирают и воскресают, на его глазах открываются «ходы в Преисподнюю» (с. 265).

Небесное покровительство воинам-дончанам в тексте изображается с помощью православной символики. Упоминается икона «позолоченного Николая» — Николая Чудотворца, которая особенно помогает всем молящим о защите и покровительстве. У Марии есть свеча, что «горит всеночно». В тексте сближаются образы крестиков в блокноте у Марии-снайпера и крестов на погостах.

Небесную помощь и помощь от матери-природы Донбасс получает не только в ответ на терпеливое принятие своего крестного пути («С нами Бог, с нами солнце и с нами дождь, / зарядивший снайперскую винтовку» (с. 266)), но и в связи с искренним упованием на Бога:

По чужому стрелять, своего прикрывать, что есть силы
повторять: «Слава Богу! Живой! Слава Богу! Живой!» (с. 256)

С упованием на Бога связаны в поэме темы победы над страхом смерти, способности преобразить свою скорбь в духовную мощь, преодоления физических и нравственных страданий во имя добра и правды: «Смерть идет по чьему-то следу, / дай-то Бог, чтобы шла в обход» (с. 257). Из упования на Бога рождается и молитва главной героини за всех погибших: «Я молюсь обо всех двухсотых / с наступлением темноты...» (Там же).

Жизнь дончан превращается в житие: они фактически становятся святы своей решимостью положить свою жизнь на алтарь победы. Вставшие на защиту родной земли и своего народа от нацизма, физической и духовной смерти, воины изображаются в поэме освященными страданием и верностью родине и Богу:

А мы войны святые дети,
а мы войны священный крест
несем и, в общем-то, не ропщем... (с. 263)

Особенно пронзителен образ главной героини Марии, соединяющей в себе иконописную экфразистичность и мотивы детской простоты, безыскусности, бедного сиротства:

Ее руки — не толще веточек,
ее стопы — балетный свод,
она будет из добрых девочек,
из наивных святых сирот.
Ее платьице — бедность мрачная,
ее крестик — металл да нить (с. 248).

Идея духовной близости Марии к состоянию святости передается и другими средствами: эпитетами, стилизованными под фольклорные («русококая ясна девица»), колористической соотнесенностью с образом Богородицы — через голубой цветок («в волосах голубой цветок»), указанием на ее физическую аскетичность, избличающую одухотворенность плоти (автор называет ее «прозрачной» девочкой).

Особое место в переплетенном функционировании православных и фольклорных мотивов в поэме занимает образность, связанная с идеей духовного родства человека Господу, с идеей родственной близости, отцовско-сыновних отношений между ними. Бойцы-воины Донбасса предстают детьми донецкой земли, о которых заботится Господь-отец:

Эти воины — дети кротами изрытой земли,
вместо нимба Господь отдал им коногонку.
Вместо сердца Господь даровал антрацит,
вместо вдоха степного — горючесть метана (с. 256).

Особенное стилистическое оформление обретают мотивы веры в Иисуса Христа и надежды на его помощь. Сплетение традиционных молитвенных формул с элементами военного жаргона обнажает глубину вовлеченности героини, а вместе с ней и всех русских защитников Донбасса, в войну как священное стояние за Родину и Правду:

Господи Иисусе, как же страшно,
стало минное поле, была пашня.
Небо черно от дыма, глаза режет.
Господи, мы одержимы, мы — нежить.
Господи, я — отшельник, стрелок, пешка.
Господи, присмотри за мной, установи слежку,
приставь ангела, чтобы рука не дрогнула... (с. 269)

Символична в этом отношении композиция «Шахтерской дочери». В поэме 33 части: количество, как подсказывает сам автор, символически-аллюзивно отсылает к возрасту Христа, «к переломному возрасту, когда решается, быть ли ему распятым или нет» [Долгинцев-Межевой]. Распятой в поэме предстает родная земля, которую необходимо спасти, чтобы воскресить: «Кто спасет распятую

землю эту?» (с. 265). Земля Донбасса для своих защитников свята своей кровной связью с ними и в то же время своим страданием. Она, как и ее защитники, освящается болью.

Православное звучание в поэме приобретает и гражданственный мотив ненависти к врагу, убивающему родину и родных. Особый религиозный тон этому мотиву задает в поэме образ черной совести, соотнесенный с мыслью о том, что ненависть противоречит человеческому естеству, поскольку противоречит божественному естеству — любви.

Черной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам (с. 261).

Это поэтическое откровение, соотносимое в целом с религиозной составляющей поэтического дискурса Священной войны в донбасской поэзии, разительно отличается, например, от размышлений о близости любви и ненависти на войне, которые в рассказе М. А. Шолохова «Наука ненависти» (1942) приписаны некоему лейтенанту Герасимову: «...И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком. <...> Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом» [Шолохов, с. 23].

Наиболее частотные же гражданственные мотивы в поэме связаны с ценностно-символическими отсылками к Великой Отечественной войне. Например, 26 мая 2014 г., когда бомбили аэропорт, метафорически соотносится с 22 июня 1941 г.: «...месяц май неожиданно станет военным июнем» (с. 268). Горящую траву донецкой земли поэтесса сравнивает с образом вечной славы победы на груди ветерана. Вера в грядущую победу освещает весь текст поэмы:

Что нас ждет впереди? Победа!
И отмщенье за всех отцов (с. 266).

При этом так же, как мотив ненависти в поэме преобразуется православным мировоззрением, вера в победу в войне ассоциирована с верой в обожение человека, жертвующего для правого дела всем своим существом, в возможность его восхождения к Богу («Мы вкусим и вина, и хлеба, / на двоих мы разделим рай» (с. 257)), в восстановление человеческой справедливости и высшей Правды: «...канет в Лету лихолетье, и Бог воздаст» (с. 258).

Сохраняя общерусский содержательный стержень дискурса Священной войны («Священная война» в общерусском понимании — *любая война, которую народ ведет за сохранение своей Родины, своего государства и своей культуры, включая веру*; центральным для этого понятия в русской культуре является представление о святости ратного подвига, совершенного во имя Родины), работая в русле

традиционного для поэтического варианта этого дискурса синтеза фольклорной картины мира, православного кода русской литературы, философских и гражданственно-патриотических идей, Анна Ревякина в поэме «Шахтерская дочь» в целом обновляет и эмоционально-стилистическую интонацию, оформляющую дискурс, и элементы его содержания.

Что касается интонационного оформления, для него характерны исповедальность, особая искренность и антипафосность. Эти признаки можно считать сущностными особенностями авторского стиля, достигаемыми фрагментарностью композиции и особенно тесными отношениями между героиней и автором, а также образно-стилистическими средствами. Анна Ревякина совмещает в своем тексте разные лексическо-семантические элементы: от церковнославянизмов (*дщерь, всенощно, отмщенье, вкусить*) до просторечий (*ложй*), от специальных слов и профессионализмов, ассоциирующихся с шахтерским делом (*домна, коногонка*), до фольклорных и псевдофольклорных формул (*не дари колец, ясна девица, воротись домой*), от книжной лексики (*боль фантомная, ненависть к палачам*) до разговорных элементов (*платище, что есть силы*), элементов военного жаргона (*двухсотые*) и лексики военной тематики (*боец, минное поле, забирать в строй*). Разумеется, особенно значимое место в стилистике текста поэмы занимают авторские метафоры, зачастую также совмещающие разностилевые элементы (как, например, в этом случае: «Смерть идет по чьему-то следу, / дай-то Бог, чтобы шла в обход»).

Так или иначе, все эти элементы авторского стиля сообщают ключевому для поэмы дискурсу Священной войны особую личностную глубину и искренность интонации. В интонационно-эмоциональном смысле дискурс Священной войны в поэме вступает в противоборство с тем его возвышенно-поэтическим, торжественно-одическим вариантом, который оформился в тексте песни «Священная война» и, как можно предположить, закрепился в военной поэзии Великой Отечественной войны в целом, и стилистически сущностно обновляется.

Что же касается содержательного наполнения дискурса в поэме, общий вектор смысловых приращений в ней соотносим с выделенными выше элементами, характерными для донбасской поэзией в целом. В поэме этот вектор реализован, разумеется, в соответствии со своеобразием индивидуально-авторской картины мира. К индивидуальным содержательным элементам следует отнести в первую очередь идею вытеснения войной всего женского, женственного. Эта многократно проведенная и глубоко философски осмысленная в поэме идея втягивает в себя и фабульную линию судьбы Марии, и мотивы страданий родной земли, выжигания души (ассоциированной с женскостью) убийством и ненавистью, и тему противоестественности насилия, замещающего жизнь (даруемую женщиной) смертью. «Священная война» в поэме ведется за естественность мирной жизни, за взаимодействие мужского и женского в любви, за родную землю, человеческую память и Божью Правду.

При всей значимости фольклорных мотивов (с акцентом на мотиве неразрывной связи человека с родной землей) для функционирования дискурса

Священной войны в поэме ключевыми являются мотивы философско-религиозные. Они зачастую пронизывают собой и фольклорные, и гражданственные идейно-образные элементы и задают дискурсу Священной войны в тексте общее православное звучание, фокусируя его вокруг идеи сохранения и приумножения (жертвенной) любви.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М., 2015. Т. 1.

Булгаков С. Н. Война и русское самосознание. М., 1915.

Булгаков С. Н. Размышления о войне // Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии : в 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 650–692. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/razmyshlenija-o-vojne/#source (дата обращения: 16.04.2024).

Высочков Л. В. «Война теперь не обыкновенная, а национальная»: народы России в Отечественной войне 1812 года // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г.: материалы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 11–14 сент. 2012 г.). Элиста, 2012. С. 18–25.

Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху / пер. с англ. Т. Азаркович. М., 1998.

Долгинцев-Межевой А. Донецкий поэт Анна Ревакина: «Я выплакала поэму “Шахтерская дочь”» // ИА Регнум : сайт. 2019. 6 сент. URL: <https://regnum.ru/news/2770162> (дата обращения: 18.07.2023).

Исторические песни / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. М., 2001.

Каптен Г. Ю. Проблема отношения к войне в Византии и на Руси // Бюл. Центра этно-религиоз. исслед. 2016. № 4 (4). С. 120–136.

Кашкин А. С. Концепция священной войны в книге Второзаконие // Христианское чтение. 2013. № 2. С. 170–189. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Kashkin/kontseptsija-svjashhennoj-vojny-v-knige-vtorozakonie/#source (дата обращения: 10.06.2024).

Коробов-Латынцев А. Философ и война. О русской военной философии. М., 2022.

Лосский В. Н. Семь дней на дорогах Франции. Этюд о терминологии святого Бернарда. СПб., 2014. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Loskij/sem-dnej-na-dorogah-frantsii/#source (дата обращения: 15.06.2024).

Макаров А. И., Суровцев А. И. Война // Православная энциклопедия : сайт. URL: <https://www.pravenc.ru/text/155138.html?ysclid=lylmls4ck377683142> (дата обращения: 06.06.2024).

Матонин В. Н. «Священная война» как социокультурный феномен // Europejska nauka XXI powiek : materialy VIII Miedzynar. nauk.-prakt. konf. Vol. 15 : Politologija. Filozofia. Przemysl, 2012. S. 55–59. URL: http://www.rusnauka.com/13_EISN_2012/Philosophia/2_109662.doc.htm (дата обращения: 19.07.2023).

Нестерова Т. П. Фольклорные мотивы в поэзии первой трети XIX века об Отечественной войне 1812 года // Сб. науч. тр., посвящ. 85-летию Мичуринского гос. аграр. ун-та : в 4 т. Мичуринск, 2016. Т. 1. С. 173–177.

«ПоЗыВнОй — Победа!». Антология современной патриотической поэзии // Союз писателей России : сайт. URL: <https://pisateli-rossii.ru/pozyvnoj-pobeda-antologiya-sovremennoj-patrioticheskoy-poezii/> (дата обращения: 18.06.2024).

Поэтическая реплика. «Шахтерская дочь». Анна Ревакина. ВГТРК. Вып. от 15.10.2022 // Смотрим : интернет-платформа. URL: <https://smotrim.ru/video/2495864> (дата обращения: 20.07.2023).

Правда // Православная энциклопедия : сайт. URL: <https://azbyka.ru/pravda> (дата обращения: 10.06.2024).

Ревякина А. Н. Шахтерская дочь // Поэзия русского лета. М., 2022. С. 248–278.

Сербский Н., свт. Война и Библия. Симферополь, 2016. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/vojna-i-biblija/ (дата обращения: 15.04.2023).

Сербский Н., свт. С Богом нас разделяет ложь // Сербский Н., свт. Мысли о добре и зле. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/mysli-o-dobre-i-zle/2 (дата обращения: 10.05.2024).

Соловьев Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Три свидания. М., 2018.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. Т. 1 : Первый век христианства на Руси. М., 1995.

Федотов Г. П. Русская религиозность // Федотов Г. П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 10, ч. 1 : Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М., 2001.

Флоренский П., свящ. В санитарном поезде Черниговского дворянства // Новый мир. 1997. № 5. С. 146–161.

Чернов А. «Священная война». Автор слов Александр Бодэ (1865–1939). URL: <https://nestoriana.wordpress.com/2017/01/20/bode/> (дата обращения: 17.07.2023).

Шолохов М. А. Наука ненависти. М., 1942.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024 г.